

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-182-203
УДК 316

ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Козлова Ю.В., Савченко И.А., Горохова А.М.

Социальные процессы в новых условиях во многом определяются той картиной реальности, которая формируется в массовом сознании, теми смыслами, ожиданиями, ориентирами, которые в нем актуализируются. Пандемия вируса COVID-19 в 2020 году спровоцировала активные трансформации массового сознания, которые содержат в себе как угрозы конструктивному развитию общества, так и новые возможности социальной динамики.

Целью исследования является понимание специфики сознания нового типа, которое условно можно назвать пандемическим или, в перспективе, – постпандемическим.

Основные задачи:

- анализ общетеоретических и публицистических источников по вопросам развития и трансформации массового и глобального сознания;
- систематизация данных о социальных, психологических, социокультурных процессах, сопровождающих пандемию;
- выявление возможных негативных тенденций в динамике массового и глобального сознания, вызванных пандемией COVID-19;
- оценка конструктивного потенциала общественного развития после пандемии.

Методы и методология исследования. Исследование проводилось с использованием общенаучных методов анализа, обобщения, аналогии и сравнения в рамках диалектического, культурно-исторического и междисциплинарного подходов.

Результаты. Проведён анализ отечественных и зарубежных исследований в области эпидемиологии, социологии, политологии, ком-

муникативистики, психологии и маркетинга, что позволило сформировать концептуальное видение массового (глобального) сознания как феномена. Дана содержательная характеристика динамики массового сознания в условиях пандемии, установлены адаптационные, социальные и коммуникативные аспекты общественных изменений, сопутствующих распространению COVID-19. Выявлен био-социальный характер происходящих в обществе трансформаций.

Результаты исследования могут быть применены при создании рекомендаций по изучению состояния общественного мнения по актуальным темам, в организации социально-значимых мероприятий, в создании баз знаний, вебинаров и учебных пособий социально-коммуникативного блока.

Ключевые слова: пандемия; глобальное сознание; социальный прогресс; сетевое общество; атомизация общества; самоизоляция; цифровые технологии; искусственный интеллект.

DYNAMICS OF MASS CONSCIOUSNESS DURING THE PANDEMIC

Kozlova Yu.V., Savchenko I.A., Gorokhova A.M.

Social processes in the new conditions are largely predetermined by the picture of reality that is shaped in mass consciousness by meanings, expectations, guidelines that are actualized in it. Research, practice and social development potential is gaining peculiar dynamics in the context of the pandemic.

The purpose of the article is to characterize the object of global social and humanitarian processes – a new type of consciousness, its phenomenology and advancement during the pandemic.

Among the principal goals there are:

- *in-depth analysis of general theoretical and publicistic sources on the issue of mass and global consciousness;*
- *systematization of open source information on pandemic-affected social, psychological, cultural background;*

– *identification of possible negative social trends and growth points.*

The methods and methodology of the research include general scientific methods of analysis as well as dialectical, cultural-historical, interdisciplinary approaches.

Results. The analysis of domestic and foreign studies in epidemiology, sociology, political science, communicativistics, psychology and marketing has been conducted. Substantive characteristics of the dynamics of mass consciousness in the conditions of the pandemic, adaptation, social and communicative aspects of social changes are listed. The bio-social character of transformations taking place in society is revealed.

The results of the current research can be inculcated in the design of special recommendations for studying the state of public opinion on topical issues, in the organization of mass events and social activities, in the creation of knowledge bases, webinars and training manuals related to society and communication within it.

Keywords: pandemic; global consciousness; social progress; network society; atomization of society; self-isolation; digital technologies; artificial intelligence.

Введение

По определению ВОЗ от 24.02.2020, пандемия – распространение нового заболевания в мировых масштабах. Начало 2020 года стало периодом стремительного распространения новой коронавирусной инфекции. От первых упоминаний о случаях нового заболевания в Китае (октябрь-декабрь 2019) до заявления генерального директора ВОЗ Т.А. Гебреисуса (20.03.2020) о том, что ситуация с распространением новой болезни может быть расценена как пандемия, прошло чуть более двух месяцев.

Кризисный импульс получили все сферы жизнедеятельности, в массовом сознании произошли быстрые и необратимые изменения. На поверхности – паническое поведение, неотменяемый стрессовый фактор, формирование групп (просоциальных, индифферентных, «ковид-диссидентов»). Глубинные детерминанты массового поведения – поиск способов преодоления неопределённости, по-

пытки оценить угрозу и создать или принять адекватные мотивы к совершению конкретных поступков.

Динамика массового сознания изучалась в XIX–XX в разных аспектах: «общественное сознание» («Абсолютный дух» у Г.В.Ф. Гегеля), «коллективное сознание» (Э. Дюркгейм [10]), «массовое сознание» (Э. Фромм [25], Г. Блумер [3]). В эпоху массовой коммуникации особое содержание приобрели понятия «ноосферное сознание» (В.И. Вернадский [5], Н.Н. Моисеев [14], Ю.М. Лотман [12]) и «глобальное сознание» (П. Тейяр де Шарден [22], Д. Редьяр [17]), находящиеся и в настоящее время в стадии формирования.

Актуальные социокультурные практики все более принимают разнонаправленный дихотомный характер [20]. В качестве субъекта и, одновременно, объекта глобальных процессов целесообразно рассматривать «массовое сознание как совпадение в какой-то момент (совмещение или пересечение) основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества» [15]. Массовое сознание катализируется масштабной проблемой, яркой эмоцией и реализуется в виде общественного мнения по определенной теме и готовности к его массовому проявлению, которые отменяют прежние, привычные регуляторы в пользу новых. Именно эту стремительную смену поведенческого репертуара в условиях фрустрации базовых потребностей (в безопасности, биологическом благополучии, общении) мы и наблюдаем сегодня. Расхожее выражение весны – лета 2020 года «мир никогда не будет прежним», как и популярный мем “Take me back to 2019” постепенно наполняется конкретным смыслом, завораживающим и тревожащим. В классическом психоанализе массовые переживания сравниваются со сном и гипнозом. Уже начиная с 1990-х массовой аудитории во множестве предлагались книги, комиксы, фильмы, видеоигры на темы глобальной эпидемии и жизни в «реальности постапокалипсиса», откуда нет обратного пути [19: 253]. Начало 2020 года стало для миллионов новой частью фильма-катастрофы с AR-реальностью.

Насколько же уникальна и внезапна нынешняя ситуация? Какие опасности и точки роста в себе содержит?

Начнем с того, что многие ученые и публицисты XX столетия отчасти предвидели актуальную ситуацию. Так, в начале XXI века человечество очень активно применяет глобальные сети связи от телефонных до спутниковых, которые способствуют переходу любой общественной системы, независимо от ее готовности, к макроуровню, о чем говорил в свое время Никлас Луман [13]. Ф. Фукуяма утверждал, что в XX веке был достигнут предел социального прогресса [26], а Б. Андерсон дал характеристику единой структурной основы националистических режимов [1].

Р. Хойслинг сформулировал «сетевую теорию» общества, в котором социальные конфигурации формируют сеть смыслов [23]. «Сетевая метафора» привлекала и И. Гофмана, предложившего «анализ фреймов», то есть социальных шаблонов восприятия для изучения социальных процессов в глобальном мире [9].

Ж. Бодрийяр [4] и У. Эко [28] уже в начале нынешнего века рассматривали глобальные противоречия как «неовойны», имеющие особую динамику и логику, ещё неизвестные человечеству. У. Эко называет три формы «войны»:

- *paleoguerre*, двусторонняя нестабильность, которая поддерживается для получения выгоды и победы над противником;
- «холодная война», вынужденная стабильность, «напряженный мир», основанный на страхе;
- нео-война – постоянная нестабильность, тотальный кризис надгосударственного характера, который не имеет конечной локализации и ограниченного числа участников. При этом в глобальную эпоху глобальная война теоретически оканчивается поражением всех [28: 17-28].

В 2014 году Э. Гидденс [7] дал развёрнутый анализ глобальных процессов в Европейском Союзе, акцентируя роль цифровизации, кризис европейской модели социального государства и формирование «интеркультуры».

Таким образом, общество глобального потребления и глобальных информационных систем в последние десятилетия быстро менялось и двигалось к трансформационной точке. На этом фоне

появлялись концептуальные и феноменологические исследования, адекватные прогнозы.

Так и биосоциальный кризис, связанный с пандемией, в последние десятилетия настойчиво прогнозировался. Еще в 2006 г. Л. Бриллиант представил информационным агентствам экспертные данные эпидемиологов о высокой вероятности пандемии, которая даст десятки миллионов потери населения и приведет к глобальному экономическому кризису [27:13].

История знает эпидемии и даже пандемии. В XIV–XV веках более 20 млн. жизней унесла чума. В XIX веке мир пережил три холерные пандемии и первую пандемию гриппа (около 1 млн. погибших). А первая же пандемия «испанского гриппа» (H1N1) унесла в 1918–1920 годах 50 млн. жизней. 1950 – 1980 годы были периодом «триумфального шествия» по планете «азиатского гриппа» (H2N2, H3N2).

Наиболее масштабные взрывные вспышки инфекций ретроспективно связаны с последующей социально-экономической трансформацией. В какой-то степени пандемии связаны с геополитическими ситуациями, специфика массовых заболеваний также отражает уровень развития науки и социальной инфраструктуры, провоцирует определение и решение биосоциальных проблем в сжатые сроки и с высокой ответственностью. Происходит ускоренное, взрывное развитие межгосударственных отношений, законодательства, науки, культуры и самой общественной структуры, которое в стабильных условиях заняло бы долгие десятилетия.

Уже в XIX-м веке о массовых заболеваниях писали в газетах, позже о них стали говорить по радио и на телевидении. Вместе с тем, в медийном плане эпидемия коронавируса впервые позволяет мировым СМИ освещать распространение вируса почти в режиме «нон-стоп». Это явление публицисты сравнивают с бесконечным телевизионным сериалом. В 2003 г. возник «эффект CNN» относительно второй войны в Ираке. А в 2020 масс-медиа, при поддержке пользователей глобальной сети, получили возможность сделать подобный сериал о пандемии интерактивным [18: 7-8]. Таким образом, можно с уверенностью говорить о распространении «информа-

ционного вируса» параллельно с биологическим. Распространение массовой паники, «заражение» от одного ко многим происходит в соцсетях, мессенджерах и реальных контактах за считанные часы. Слухи эпохи масс-медиа конструировались для аудитории, слухи эпохи потокового видео и онлайн-СМИ аудитория создаёт самостоятельно и при участии бот-форм, они отражают динамику события, быстро обновляются и остаются в доступе.

Перечислим «фейки-2020»:

- продуктовый и лекарственный дефицит;
- массовая смертность вследствие заражения/неверного лечения/ токсичности дезинфекторов;
- распространение наночипов;
- разрушительное действие вышек 5G;
- ужесточение мер после очередных выборов;
- повторное введение видеомониторинга в городских локациях и QR-пропусков по усмотрению властей;
- вакцинация как условие перемещений, покупок, трудоустройства.

Циркуляции псевдо-прогнозов способствует беспрецедентная возможность обмениваться информацией о развитии ситуации в разных регионах и странах, мультипликации «сарафанного радио», своего рода социального маркетинга, в котором участник коммуникации добровольно потребляет и передаёт сообщение в своей личной сети связей. Личные каналы связи поглощаются массовыми по тому же принципу, как это происходит в рыночной среде. Вирусные сообщения при этом распространяются мгновенно, не теряя приватной коннотации.

Метафорой пандемии-2020 можно было бы назвать размывание границ частного и общественного, единичного и общего, естественного и технологического, формирование континуума, в котором эти сферы объединены уже на конкретном, рутинном поведенческом уровне.

В долгосрочной перспективе наиболее опасно ослабление системы социальных связей, снижение доверия к государственным и общественным структурам, их деятельностью в связи к локдаунном

и пост-карантинными событиями, будь вопросы геополитики, выборы, экономические меры или противодействие пандемии. Делегирование полномочий принятия решений власти или экспертам перестает быть для массового сознания удовлетворительным, растет социальное напряжение, что выражается в протестных настроениях вплоть до беспорядков, по всему миру [29].

Тенденцию к снижению уровня взаимодействия, к сакрализации социально-политических и общественных процессов можно считать суммарной реакцией массового сознания на тот поток стрессогенных шоковых условий, которые возникли в условиях пандемии-2020.

Цивилизация находится в состоянии постоянного изменения. И особенно разительно мир, отдельная страна и человек меняются после чрезвычайных ситуаций, к числу которых относятся пандемии. В условиях распространения новой коронавирусной инфекции был запущен очередной кризис идентичности человека как биосоциального существа. Поэтому возникающие противоречия и формирующиеся перспективы требуют концептуального осмысления, теоретико-прикладных решений, характеристики феноменов, пришедших в нашу жизнь.

В сентябре 2020 ресурс ELIBRARY.RU (научная база, включающая 35 млн. научных работ, изданных в разных странах и на разных языках) по запросу “*covid-19*” выдаёт около 10000 публикаций за 2020 год, из них – порядка 400 книг и монографий. Естественным является преобладание исследований медицинского и экономического характера, они отражают решение актуальных задач поддержания жизнеобеспечения. Социокультурное осмысление феномена новой пандемии (около 40 работ) находится в самом начале своего пути.

Для понимания природы пандемии важна гипотеза о взаимопревращении вирусов в транспозантные элементы. То есть эволюция вирусов связана с эволюцией их носителей на генетическом уровне, отражает ее динамику и особенности. Коронавирус впервые был обнаружен у больного ОРВИ в 1965 году, но серьезные опасения иммунологов вызвало лишь появление в 2002 году высокозарази-

тельного коронавируса SARS-CoV (атипичная пневмония), быстро распространившегося по миру (8273 заболевших и 775 умерших). В течение этого периода семейство коронавирусов как новый «биоинформационный код» развивалось вместе с человечеством.

А в декабре 2019 года началось распространение SARS-CoV-2 (Covid-19), в РНК которого – фрагмент коронавируса летучих мышей, фрагмент коронавируса змей и 4 вставки от ВИЧ. В период с января по октябрь 2020г. в мире выявлено более 37 млн. заражений и более 1 млн. смертей от новой коронавирусной инфекции.

Вопрос о естественном или искусственном происхождении такого вируса пока не получил однозначного ответа ученых. Человечество столкнулось с глобальной проблемой нового типа, объединяющей в себе экологические, экономические и социокультурные процессы, меняющей массовое сознание, затрагивающей частную жизнь и внутренний мир каждого.

Специалисты ВОЗ заявляют, что возбудители ОРВИ, гриппа, COVID-19 в основном переносятся воздушно-капельным путем. В аэрозольной форме коронавирус сохраняется 8–10 часов, а в водном растворе – до 9 суток. Аэрозольные капли (диаметром 100–200 микрон; 1 микрон = 0,001 мм), оседают в радиусе 1–2 метра вокруг заражённого человека и заражают улицы, общественный транспорт, тротуары, дороги, подъезды домов, полы в магазинах, общественных и живых помещениях [11: 30]. В результате восприятие привычных пространств меняется, фокус смещается на выявление и нейтрализацию опасности.

Социальная реклама мер профилактики заражения, введение в течение нескольких месяцев по всему миру карантинных мер и самоизоляции, контроль за их исполнением как со стороны ВОЗ, так и в региональных масштабах необратимо изменили восприятие социального пространства в массовом сознании. В ряде стран осенью 2020 года стали реальностью и повторные карантинные мероприятия, что сохраняет актуальность профилактических мер. В ожидании формирования популяционного иммунитета (при помощи вакцинации или естественным путём), продолжает действовать

система требований и запретов, крайне неоднозначно воспринимая населением.

Поверхностный слой, символика «новой жизни», идентификационный критерий и ориентир для массового сознания – конечно же, масочный режим, дистанцирование и ограничение массовых мероприятий. Стоит вспомнить, что дистанция в 1,2 м и более без тактильного контакта – естественна и комфортна для формальной коммуникации между незнакомыми людьми (в европейской культуре), она устанавливается спонтанно, может меняться, так как является способом взаимодействия. Это – аналог «личной носимой территории» в животном мире. Поток невербальной информации при этом регулируется на уровне ролевого, стандартизированного поведения, ориентированного на ситуацию «угроза/защита». Присутствие в социальных пространствах современного города указателей дистанции, соответствующих объявлений и социальной рекламы становится привычным фактором стресса, формирует семиотическую нагрузку, актуализирует смыслы, связанные с внешней (закрытые пространства, ситуации взаимодействия) и внутренней (собственный организм) угрозой. События политической сферы, а так же все те, что могут быть ассоциированы с пандемийно-карантинной темой, объединяются в массовом сознании в некий новейший миф, который снимает неопределенность, дает пусть не всегда верный, но доступный для понимания смысл, создает «врагов» и «героев».

Естественно, антитезой массовизированным реакциям является личностная позиция, ответственность перед семьей, социальной, профессиональной группой.

Обоснованием формирования осознанной позиции, выработки новых стратегий может стать альтруистическая мотивация, регуляция поведения, проживаемая как действие, связанное с социальной ответственностью [24]. Значимы также базисные убеждения личности о себе, своей ценности как адаптационный ресурс и ориентир для преодоления страха [8]. Установлено также, что уровень тревоги и способы ее контроля связаны с уровнем дохода, социокультурными и полоролевыми характеристиками [16].

Масочный режим как рекомендуемый способ контроля, также требует от личности серьезной мотивации, подкрепления со стороны «лидеров мнений» и СМИ, поскольку семиотическая природа маски и ее роль в культуре не являются эмоционально нейтральными. Применение маски символически указывает на ситуацию обезличивания, частичного перехода в особое пространство «пересечения жизни и смерти», что свойственно обрядам инициации, свадьбы в примитивных культурах. Маска символизирует отказ от спонтанности, личной ответственности, указывает на ситуации и профессиональные дискурсы повышенной опасности в традиционных общественных системах [30]. Маска является мистериальной формой, применяемой в искусстве театра с древнейших времен до современности [31].

Произошедший в 2020-м году приход маски одновременно как средства защиты, способа социальной идентификации, аксессуара и комплексного культурного маркера исследователям только ещё предстоит осмыслить и оценить. На наших глазах разворачивается уникальная ситуация: сфера «приватности», анонимности в связи с применением цифровых технологий стремительно сокращается, невербальные средства коммуникации также «переходят *online*» предлагая вслед за смайлами и эмодзи, фильтры соцсетей. Формируется реалити нового типа, в котором наблюдатель и наблюдаемый взаимодействуют в игровой дополненной реальности, решают свои задачи, преодолевают неопределенность и тревожность реальной жизни.

Суть и последствия самоизоляции, которая стала в 2020 году беспрецедентным опытом в жизни миллионов людей, требуют всестороннего изучения. Можно лишь акцентировать самоизоляцию как фактор социальной атомизации в обществе. В современной России высокий уровень обособления в пределах собственной профессионально-семейной сферы определяется невысоким уровнем социальных ожиданий, чередой реформационных процессов, сменой традиционного уклада жизни. В то же время у «поколения нулевых» проблемы социализации ещё масштабнее. В Японии и азиатских странах проблема синдрома NEET среди молодёжи (хикикомори или

«социальные затворники») и «клубничного поколения» стала обсуждаться ещё в 2010, когда средний возраст добровольных изолянтов составлял 31 год. Впоследствии возникла проблема «50/80» – ситуация, когда дети, прожившие десятилетия с нулевой социальной активностью на обеспечении родителей, остаются без их поддержки. NEET (“NiNi”, “*basement dwellers*”, взрослые дети, продолжающие жить с родителями) распространяются по всему миру, они есть в Азии, Европе, России, латиноамериканских странах. В настоящее время в возрастной группе 18–29 лет до 15% социально пассивны и дезадаптированы. Воздействие карантинных мероприятий на эту категорию населения также ещё предстоит изучить.

Антиутопические цивилизационные последствия пандемии могут быть представлены следующими вероятностными моделями [2: 65-73]:

- Глобальный экономический крах, феодализация и локализация общественной и частной жизни, новые формы общинности и религиозности, снижение качества жизни и уровня культуры.
- Технологический оптимизм – замена группового либерализма индивидуальным, а том числе трансгуманизмом, основанным на генной инженерии. Цифровизация всех сторон жизни, в том числе медицины, образования, промышленности, сельского хозяйства, потребления товаров и услуг, упразднение понятий «рабочее место», «рабочее время».
- Модель национального спасения – возврат к системе национальных государств, их обособление, отмена международного разделения труда и спецификаций.
- Планетарный тоталитаризм «умных систем», меняющий нормы прав и свобод, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека.

Отчасти такие прогнозы существовали независимо от пандемии и являются реакцией на перемены, которые уже происходят в социально-экономической и общественной сфере. Неизбежная цифровая трансформация, активизированная фактором пандемии, требует решения социальных и культурных проблем.

Среди такого рода проблем на первый план выходит усиление социального расслоения. Владение цифровыми технологиями как осознанная пользовательская позиция доступнее лицам с более высоким социальным статусом, расширяет дальнейшие возможности его сохранения и повышения. Такая ситуация служит основой для усиления расслоения в обществе.

В данных обстоятельствах становится сверхактуальной проблема защиты прав человека, прежде всего, права на частную жизнь, интеллектуальную и частную собственность, безопасность, в том числе, информационную. В новом масштабе возникают проблемы киберпреступности и взаимодействия государства и бизнеса.

Трудовые процессы с началом пандемии стали трансформироваться по всему миру. Прежде всего, это вынужденное, авральное внедрение цифровых технологий и онлайн-коммуникаций во все профессиональные схемы. Наличие соответствующих навыков стало ключевым критерием ценности сотрудника. Произошёл принудительный пересмотр организационных форм труда, норм рабочего времени. Продолжается сокращение количества участников, перепрофилирование рынков и даже частичное сворачивание целых отраслей (развлечения, туризм), перенос их в онлайн, сокращение рабочих мест. Работоспособное население формирует трудовое поведение по новым моделям: 1) высокая лояльность организациям, дающим защищенность и регламентирующим рабочие процессы или же 2) свободные, проектные формы присутствия на рынке, в том числе самозанятость [18: 184-194].

В связи с этим предполагается повышение рыночной востребованности креативных и экспертных специалистов, выполняющих функции, которые в принципе (или на данном этапе) невозможно роботизировать и цифровизировать. Это касается как участия в деятельности корпораций (в том числе, в договорных и проектных форматах), так и самозанятости, монетизации продуктов хозяйственной и творческой деятельности. В ближайшие годы профессионалу придётся либо конкурировать с возможностями глобальной сети, либо снижать уровень расходов и ориентироваться на социальные программы государства.

Таким образом, реализовать право на труд в условиях выхода из пандемии становится сложнее. Формирование критической массы работоспособных граждан с низкой производственной эффективностью приведёт к трансформации индустрии развлечений и рекреационных услуг. Это направление станет ещё масштабнее, чем в эпоху глобального потребления. Социальная ответственность корпораций потребует реализовать социальную адаптацию всех категорий граждан, независимо от их роли в коммуникативной структуре общества и ценности на рынке, в том числе трудовом.

Так, «Перспективы–2025» очерчены в докладе компании *Huawei* о путях развития отраслей и технологий [18: 71-74]):

- Роботизация домашних работ на 1,4%.
- Использование в работе компаний виртуальной/дополненной реальности.
- Интеллектуальный поиск на устройствах.
- Интеллектуальные транспортные системы «автомобиль/дорога».
- Промышленная роботизация (1% сотрудников).
- Применение искусственного интеллекта во всех крупных компаниях.
- Анализ эффективности общения и создание протоколов.
- Симбиотическая экономика (на основе облачных вычислений).
- Доступ к 5G сетям более чем у 50% населения.
- Управление цифровыми технологиями на глобальном уровне (180 ЗБ в год).

Вот как выглядят «Перспективы-2050» по версии К. Келли – футуролога, эксперта киберкультуры и автора бестселлера «12 технологических трендов, которые определяют наше будущее»:

- технологическая трансформация;
- создание глобального искусственного самообучающегося интеллекта;
- потоковая глобальная сеть (эквивалент надсубъектному сознанию);

- коллективные базы знаний, развивающиеся в режиме сканирования;
- агрегация потребителей по принципу доступа к товарам/услугам, вместо владения ими;
- совместное создание и использование идей, технологий, продуктов;
- интеллектуальная фильтрация контента сети по запросу пользователя;
- рост количества ремиксов интеллектуальной деятельности;
- полное технологическое обеспечение интерактивности объектов;
- мониторинг жизнепотока;
- генерация вопросов, ведущих к новациям;
- создание Мегасистемы на общей адаптивной платформе международного масштаба с бесплатным доступом для всех.

В России с декабря 2019 года реализуется Национальная стратегия развития искусственного интеллекта. Приоритетными на период до 2030 года, в ней заявлены Стратегия развития информационного общества, программы «Цифровая экономика», «Дорожные карты» и другие.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года должна быть создана цифровая самообучающаяся система, на высоком уровне воспроизводящая когнитивные процессы человека, в том числе сенсорные, логические, моделирование и принятие решений.

Приоритетными сферами для применения данной стратегии являются фундаментальная наука, здравоохранение и образование, а также – производство и потребление товаров и услуг.

Заключение

Проведенный обзор позволяет сделать следующие **выводы**.

Пандемия акселерирует глобальные процессы в развитии мирового сообщества, побуждает к быстрому решению первоочередных задач: цифровизацию коммуникаций и интерактивных сервисов,

масштабный переход к дистанционным формам образования и телемедицине, адаптацию сотрудников крупных компаний к удаленной работе, введение «умных систем» в городскую инфраструктуру и создание экосистем на базе корпораций-лидеров, которые не ограничивались бы одной отраслью в развитии своих технологий.

В более отдаленной перспективе преодоление кризисных последствий пандемии ускорит технологический и биосоциальный переход к единому *Smart*-обществу, в котором цифровые платформы, экосистемы и общественные институты развиваются как единое целое.

Массовое сознание лишь начинает отражать отдельные аспекты этого перехода, фейковые содержания, слухи и конспирологические мифы можно рассматривать как промежуточные адаптационные формы.

*Данная статья не содержит конфликта интересов.
Исследование не имело спонсорской поддержки.*

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые общества. М.: Кучково поле. 2016. 416 с.
2. Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О., Володенков С.В., Евстафьев Д.Г., Егоров В.Г., Комлева Н.А., Крамаренко Н.С., Манойло А.В., Михайленок О.М., Петренко А.И., Прокофьев В.Ф. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1001>
3. Блумер Г. Символический интеракционизм. М.: Элементарные формы, 2017. 343 с.
4. Бодрийяр Ж. Под маской войны // Отечественные записки. N 6 (15). 2003.
5. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2012. 576 с.
6. Гафиатулина Н.Х. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19. М.: РУСАЙНС, 2020. 178 с

7. Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждёт Европу в будущем? Дело 2015г. 240с.
8. Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В. и др. Страх перед заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 99–118. DOI: 10.17759/cpse.2020090205
9. Гофман И. Анализ фреймов. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.
11. Кудрявцева Г. В., Шишкин В. И., Шишкин В. В. Коронавирус апокалипсиса. СПб.: Изд-во ВВМ, 2020. 60 с.
12. Лотман Ю. Семiosфера. СПб. : Искусство, СПб, 2010. 704 с.
13. Луман Н. Общество как социальная система. М: Издательство «Логос». 2004. 232 с.
14. Моисеев Н.Н. Избранные труды. В 2х томах. М.: Тайдекс Ко, 2003. 264 с.
15. Ольшанский Д.В. Психология масс. Питер, 2001. 368 с.
16. Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б. и др. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206
17. Редьярд Д. Планетаризация сознания. М.: Ваклер, 1995. 304 с.
18. Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. 274 с.
19. Ротанова М.Б., Федорова М.В. Интернет-мем и киберсмеховая культура в современном обществе //Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2019. No 1. С. 248-253.
20. Савченко И.А. Дихотомия социокультурных практики полипарадигмальность социальной науки // Власть. 2018. Т.26. No 1. С. 146-149.
21. Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И., Пучкова Е.Б., Темнова Л.В. Студенты в период пандемии COVID 19: понимание ситуации само-

- изоляции // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. No 3. С. 196-205.
22. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Аст, 2012. 384 с.
23. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. М.: Логос-Альтера. 2003. 192 с.
24. Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. No 2. С 6-40.
25. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2018. 736 с.
26. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ООО Издательство АСТ. 2004. 588 с.
27. Шах С. Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 358 с.
28. Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. М.: ЭКСМО, 2007. 592 с.
29. Кортунов А. Международные риски коронавируса [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам: [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-http://kudes.ru/?q=node/5220novyy-bug-ili-ficha-mirovoy-politiki> (дата обращения: 22.09.2020).
30. Медникова М.Б. Куда ведет «Путь масок». URL: <http://www.bezgranic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/yazyk-simvolov/1562-kuda-vedet-put-masok.html> (дата обращения: 10.10.2020)
31. Иванов В.В. Маска как элемент культуры. URL: https://www.studmed.ru/ivanov-vyach-vs-mask-a-kak-element-kultury_a88c0d9b010.html (дата обращения 22.09.20)

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye obshchestva* [Imaginary Societies]. М.: Kuchkovo pole. 2016. 416 p.
2. Abramov A.V., Bagdasaryan V.E., Byshok S.O., Volodenkov S.V., Evstaf'ev D.G., Egorov V.G., Komleva N.A., Kramarenko N.S., Ma-

- noylo A.V., Mikhaylenok O.M., Petrenko A.I., Prokof'ev V.F. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2020. No 2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/1001>
3. Blumer G. *Simvolicheskiy interaktsionizm* [Symbolic interactionism]. M.: Elementarnye formy, 2017. 343 s.
 4. Bodriyyar Zh. *Otechestvennye zapiski*. No 6 (15), 2003.
 5. Vernadskiy V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. M.: Ayris-Press, 2012. 576 p.
 6. Gafiatulina N.Kh. *Rossiyskoe obshchestvo v usloviyakh samoizolyatsii. Sotsial'nye effekty i posledstviya pandemii COVID-19* [Russian society in conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic]. M.: RUSAYNS, 2020. 178 p.
 7. Giddens E. *Nesпокоyny i mogushchestvennyy kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem? Delo 2015g.* [Restless and Powerful Continent: What Awaits Europe in the Future? Case 2015]. 240 p.
 8. Gritsenko V.V., Reznik A.D., Konstantinov V.V. et al. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2020. V. 9. No 2. P. 99–118. DOI: 10.17759/cpse.2020090205
 9. Gofman I. *Analiz freymov* [Analysis of frames]. M.: Institut sotsiologii RAN, 2004. 752 p.
 10. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. M.: Kanon, 1996. 430 p.
 11. Kudryavtseva G.V., Shishkin V.I., Shishkin V.V. *Koronavirus apokalipsisa* [Coronavirus of the apocalypse]. SPb.: Izd-vo VVM, 2020. 60 p.
 12. Lotman Yu. *Semiosfera* [Semiosphere]. SPb.: Iskusstvo, SPb, 2010. 704 p.
 13. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya system* [Society as a social system]. M: Izdatel'stvo "Logos". 2004. 232 p.
 14. Moiseev N.N. *Izbrannye trudy* [Selected Works. In 2 volumes]. M.: Taydeks Ko, 2003. 264 p.
 15. Ol'shanskiy D.V. *Psikhologiya mass* [Psychology of the masses]. Piter, 2001. 368 p.
 16. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B. et al. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2020. V. 9. No 2. P. 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206

17. Red'yard D. *Planetarizatsiya soznaniya* [Planetarization of consciousness]. M.: Vakler, 1995. 304 p.
18. *Rossiya i mir vo vremya i posle pandemii COVID-19: vyzovy i vozmozhnosti* [Russia and the world during and after the COVID-19 pandemic: challenges and opportunities]. SPb.: Izdatel'sko-poligraficheskaya assotsiatsiya vysshikh uchebnykh zavedeniy, 2020. 274 p.
19. Rotanova M.B., Fedorova M.V. *Sotsial'nye kommunikatsii: nauka, obrazovanie, professiya*. 2019. No 1. P. 248-253.
20. Savchenko I.A. *Vlast'*. 2018. V.26. No 1. P.146-149.
21. Sorokoumova E.A., Cherdymova E.I., Puchkova E.B., Temnova L.V. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo*. 2020. No 3. P. 196-205.
22. Teyyar de Sharden P. *Fenomen cheloveka* [Phenomenon of man]. M.: Ast, 2012. 384 p.
23. Khoysling R. *Sotsial'nye protsessy kak setevye igry* [Social processes as network games]. M.: Logos-Al'tera. 2003. 192 p.
24. Fedenok Yu.N., Burkova V.N. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2020. No 2. P. 6-40.
25. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. M.: AST, 2018. 736 p.
26. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [End of history and the last person]. M.: OOO Izdatel'stvo AST. 2004. 588 p.
27. Shakh S. *Pandemiya: Vsemirnaya istoriya smertel'nykh virusov* [Pandemic: A Worldwide History of Deadly Viruses]. M.: Al'pina non-fikshn, 2017. 358 p.
28. Eko U. *Polnyy nazad! Goryachie voyny i populizm v SMI* [Full Back! Hot wars and populism in the media]. M.: EKSMO, 2007. 592 p.
29. Kortunov A. *Mezhdunarodnye riski koronavirusa* [International risks of coronavirus]. Russian Council on International Affairs: [site]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-http://kudes.ru/?q=node/5220novyy-bug-ili-ficha-mirovoy-politiki>
30. Mednikova M.B. *Kuda vedet «Put' masok»* [Where the "Path of the Masks" leads]. URL: <http://www.bez-granic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/yazyk-simvolov/1562-kuda-vedet-put-masok.html>

31. Ivanov V.V. *Maska kak element kul'tury* [The mask as an element of culture]. URL: https://www.studmed.ru/ivanov-vyach-vs-maska-kak-element-kultury_a88c0d9b010.html

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Козлова Юлия Владиславовна, старший научный сотрудник научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», кандидат психологических наук, доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 34а, г. Нижний Новгород, 603000 Российская Федерация
kozlova-ta@inbox.ru

Савченко Ирина Александровна, начальник научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований»; профессор кафедры психологии и педагогики, доктор социологических наук
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Нижегородская Академия МВД РФ
ул. Минина, 34а, г. Нижний Новгород, 603000 Российская Федерация; Анкудиновское шоссе, 3, г. Нижний Новгород, 603144, Российская Федерация
teosmaco@rambler.ru

Горохова Анна Михайловна, доцент кафедры английской филологии Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии, начальник Управления по научно-исследовательской деятельности, кандидат филологических наук
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 34а, г. Нижний Новгород, 603000 Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTORS

Kozlova Yulia Vladislavovna, PhD (Pedagogy), Senior Research Associate of the International Cross-Disciplinary Laboratory “Research Methods in Social Science”

Linguistics University of Nizhny Novgorod

34a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603000 Russian Federation

kozlova-ta@inbox.ru

Savchenko Irina Aleksandrovna, Dr. Sci. (Sociology), Head of the International Cross-Disciplinary Laboratory “Research Methods in Social Science”, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and the Theory of Social Communication; Professor of the Department of Philosophy

Linguistics University of Nizhny Novgorod; Nizhniy Novgorod

Academy of the Ministry of the Interior Affairs of Russia

34a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603000 Russian Federation;

3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation

Gorokhova Anna Mikhaylovna, PhD (Philology), Head of the Department for Science and Research, Associate Professor of the Department of English Philology

Linguistics University of Nizhny Novgorod

34a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603000 Russian Federation